К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВИЧА ИВАНОВА (16(28) февраля 1866–16 июля 1949)

TO THE 160TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF VYACHESLAV IVANOVICH IVANOV (16(28) February 1866–16 July 1949)

УДК 1:82(091)
ББК 87.3(2)522:83.3

Светлана Дмитриевна Титаренко
Санкт-Петербургский государственный университет; доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

Николай Александрович Карпов
Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: shakespirr@mail.ru

Поэтические образы А.С. Пушкина в литературно-философской критике Вяч. Иванова как основа тезауруса и топосы мысли

Аннотация. Рассматриваются поэтические образы А.С. Пушкина в литературно-философской критике поэта и теоретика русского символизма Вячеслава Иванова (1866–1949). Основная задача – на основе сравнительного и герменевтического анализа в аспекте исторической поэтики показать, что поэтические образы Пушкина составляют основу тезауруса и могут выступать в качестве иносказаний и топосов в статьях Иванова «Поэт и Чернь» (1904 г.), «О Цыганах Пушкина» (1908 г.), «Два маяка» (1937 г.), «Мысли о поэзии» (1938–1940-е гг.) и др. Обосновывается идея о том, что пушкинское слово понимается теоретиком русского символизма на основе философии платонизма, неоплатонизма и учения А. Потебни как «внутренняя форма» языка. Показывается, что Иванов использует его не только в функции иносказания или интертекстуальной отсылки к источнику, но и в форме топоса как поэтически выраженной философской мысли. Учитывается переписка Иванова с Э.Р. Курциусом 1932–1949-х гг., где немецкий филолог-мыслитель рассуждал об особом языке теоретика символизма и его стремлении сохранить духовные ценности через возрождение словесных универсалий культуры. Анализ некоторых поэтических образов Пушкина Ивановым, таких как «чернь», «гордый человек», «непостижимое виденье», свидетельствует о том, что он использует их в структуре особого типа дискурса, основанного на синтезе литературно-критического, философского и художественного высказываний, и развивает в системе идей русского символизма. Делается вывод о том, что пушкинские образы в философской критике Иванова можно понимать как явление исторической топики, так как они сохраняют генетическую память культуры и находятся в развитии.

Ключевые слова: литературно-философская критика Вячеслава Иванова, тезаурус, топосы мысли, идеи исторической топики Э.Р. Курциуса, герменевтика образа, философия Платона, неоплатонизм, «внутренняя форма» слова, образ и понятие, историческая поэтика

© Титаренко С.Д., Карпов Н.А., 2026
Соловьёвские исследования, 2026, вып. 3(91), с. 6–25.

Svetlana Dmitrievna Titarenko
Saint Petersburg State University; Doctor of Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Russia, Saint Petersburg, e-mail: s.titarenko@spbu.ru

Nikolai Aleksandrovich Karpov
Saint Petersburg State University, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Russia, Saint Petersburg, e-mail: shakespirr@mail.ru

A.S. Pushkin's Poetic Images in Vyach. Ivanov's Literary and Philosophical Criticism as the Basis Thesaurus and Topoi of Thought

Abstract. The article is devoted to the consideration of poetic images of A.S. Pushkin in the literary and philosophical criticism of the poet and theorist of Russian symbolism Vyacheslav Ivanov (1866–1949). The main objective is to demonstrate, based on comparative and hermeneutical analysis in the aspect of historical poetics, that Pushkin's poetic images form the basis the thesaurus and can act as allegories and topoi in Ivanov's articles "The Poet and the Common People" (1904), "On Pushkin's Gypsies" (1908), "Two Lighthouses" (1937), "Thoughts on Poetry" (1938–1940s). The idea is substantiated that Pushkin's word is understood by the theorist of Russian symbolism on the basis of the philosophy of Platonism, Neoplatonism, and the teachings of A. Potebnya as the "inner form" of the conceptual meaning of the language. The article shows that Ivanov uses this word not only as an allegory or an intertextual reference to a source, but also as a universal topos, a poetic expression of philosophical thought. The article takes into account Ivanov's correspondence with E.R. Curtius in the 1932–1949 period, where the German philologist and thinker discussed the special language of the symbolism theorist and his desire to preserve spiritual values through the revival of the verbal universals of culture. The analysis of some of Pushkin's poetic images by Vyacheslav Ivanov is presented. Ivanov's use of such terms as "Masses", "Proud Man", "Incomprehensible Vision", demonstrates that he employs them in a specific type of discourse based on the synthesis of literary criticism, philosophy, and art, and develops them within the framework of the ideas of Russian symbolism. Ivanov's philosophical critique of Pushkin's imagery can be understood as a historical topoi, as it preserves the genetic memory of culture and continues to evolve.

Key words: Vyacheslav Ivanov's literary and philosophical criticism, thesaurus, topoi of thought, E.R. Curtius's ideas of historical topoi, hermeneutics of the image, Plato's philosophy, Neoplatonism, the "inner form" of the word, image and concept, historical poetics

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.3.006-025

> Язык, по глубокомысленному воззрению Вильгельма Гумбольдта, есть одновременно дело и действенная сила <…>; соборная среда, совокупно всеми непрестанно творимая …
> *Вяч. Иванов. Наш язык (1918 г.)*[1]

В современной науке остается еще недостаточно исследованной проблема философского языка поэта и писателя-мыслителя Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) как исследователя русской и мировой литературы. Не существует

[1] Иванов Вяч. Наш язык // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1987. С. 675 [1].

однозначного определения его литературно-философской критики, которая не вписывается в рамки литературоведения в связи с ее тяготением к философской эстетике. Показательно, что, составляя антологию литературоведческих работ Иванова, С.С. Аверинцев включил в нее не только его религиозно-философские, литературно-эстетические и литературно-философские статьи, эссе, манифесты по теории символизма, фрагменты религиозно-философских книг-исследований, таких как «Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика» (1932 г.), но и художественные произведения писателя, указывая на особенности мышления теоретика русского символизма, которое, говоря его словами, укоренено в идее «разноречия» и «связи времен», а также в эллинской традиции, общей «для всех народов и культур»[2]. Это свидетельствует о том, что Иванов как поэт и писатель-мыслитель создает особый тип исследовательского дискурса, основанного на синтезе литературно-критического, философского и художественного высказывания и тяготеющего к полигенетичности и универсализму.

В связи с этим важен опыт истолкования тезауруса литературно-философской критики Иванова, посвященной творчеству А.С. Пушкина, что позволит путем герменевтического подхода на основе сравнительного и культурно-исторического методов и принципов исторической поэтики проследить процесс изменения смысла пушкинских поэтических образов как «готового слова» в системе религиозно-философских идей теоретика русского символизма и понять некоторые важные проблемы становления и функционирования его философского языка. Эта проблема еще недостаточно изучена. В своем анализе мы прежде всего учитываем герменевтические принципы, утвердившиеся в системе методологии Иванова-мыслителя и Иванова-исследователя под влиянием философии Платона и В.С. Соловьева[3].

Один из важнейших подходов к изучению поэтического языка Пушкина как основы тезауруса литературно-философской критики Иванова, как нам представляется, был намечен Э.Р. Курциусом (1886–1956), немецким ученым-филологом и мыслителем, в его исследовании «Европейская литература и латинское Средневековье»[4], где им были выделены повторяющиеся поэтические мотивные комплексы (или устойчивые топосы), сохраняющиеся в европейской литературе. Топику он трактовал как «предписанные формулы», выделяя «историческую топику», возникшую в поэзии античности и Средневековья и закрепившуюся в

[2] См.: Аверинцев С.С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Иванов Вяч. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл. и примеч. С.С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. С. 16 [2].

[3] См.: Титаренко С.Д. Владимир Соловьев и Вячеслав Иванов: принципы философской герменевтики и традиция диалогов Платона // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 6–21 [3].

[4] См. современное издание: Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1 / пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Изд. Дом ЯСК, 2021. 560 с. [4]. Некоторые книги Э.Р. Курциуса сохранились в личной библиотеке Вяч. Иванова в Римском архиве писателя, опубликованы также материалы их переписок (см.: Эрнст Роберт Курциус – Вячеслав Иванов. Переписка / пер. с нем. Ал.В. Михайлова, публ. М. Вахтеля // Текст и традиция: альманах, Т. 4. СПб.: Росток, 2016. С. 386–407 [5]).

«поэтических топосах»[5]. Данное определение – «предписанные формулы» как «поэтические топосы» – станет для нас основополагающим. Этого же определения придерживаются те современные исследователи, которые связывают топос с явлениями исторической поэтики вслед за Курциусом[6] или с «генетической памятью» литературы как устойчивым поэтическим мотивом[7]. Вместе с тем, как известно, существуют и иные трактовки понятия «топос» – в риторике, лингвистике, философии (устойчивые словесные формулы для украшения речи, концепты, клише, стереотипы, константы и др.)[8]. В настоящем исследовании мы не обращаемся к ним, как и к трактовке топоса у Аристотеля как пространственной модели или места памяти[9].

Проблема истолкования поэтического языка Пушкина в русле развития русской философской мысли актуализируется на рубеже XIX–XX столетий после знаменитой речи о Пушкине Ф.М. Достоевского, произнесенной 8(20) июня 1880-го года. К творчеству Пушкина и его философскому осмыслению обращались В. Соловьев, Д. Мережковский, Л. Шестов, С. Булгаков, Вяч. Иванов, А. Белый, М. Гершензон, С. Франк и др.[10] В статье «О задачах познания Пушкина» (1937 г.), утверждая универсализм пушкинской мысли, Франк писал, что идеальное содержание поэзии классика можно постичь лишь в процессе создания философского словаря поэта. И это, по его словам, «не столько полный механический перечень всех отдельных слов пушкинского языка», «сколько толковый "философский" словарь отдельных, излюбленных и значительных по смыслу терминов пушкинского языка»[11]. Он считал, что в языке Пушкина присутствуют не только слова, воплощающие поэтический образ, но и понятия, имеющие символический смысл[12]. По словам С.Г. Бочарова, свидетельствующего «о дефиците нашего понимания Пушкина при столь обширном изучении» в конце XX века и «разрыве» между философским истолкованием поэзии и ее филологическим

---

[5] См.: Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1. С. 172–173.
[6] См.: Махов А.Е. Веселовский – Курциус. Историческая поэтика – историческая риторика // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 182–202 [6].
[7] См.: Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012 [7].
[8] О топосах и эмблемах как «готовом» поэтическом слове см.: Теория литературы: в 2 т. Т. 1 / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд. центр «Академия», 2004. С. 147–151 [8]. В традициях «Риторики» Аристотеля (см.: Аристотель. Поэтика. Риторика / вступ. ст. и коммент. С.Ю. Трохачева; пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука, 2000. С. 97–98 [9]) топосами философской мысли называют также эвристические мыслительные формулы. См. об этом, напр.: Топосы мысли: Западная философия XIX–XX веков в переводах и комментариях / отв. ред.-сост. И.И. Блауберг, И.Д. Джохадзе. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2025. 416 с. [10].
[9] См. об этом: Титаренко С.Д. Топос как символическое пространство памяти в автобиографической прозе М.А. Волошина и мифопоэтическая традиция Платона // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, Вып. 2. С. 186–198 [11].
[10] См.: Пушкин в русской философской критике. Конец XIX– I половина XX в. / сост., вступ. ст. Р. Гальцевой. М.: Книга, 1990. 527 с. [12].
[11] См.: Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – I половина XX в. / сост., вступ. ст. Р. Гальцевой. М.: Книга, 1990. С. 450 [13].
[12] Там же. С. 450–451.

изучением, проблема преодоления этого «разрыва» была обозначена еще Гершензоном и особенно Вяч. Ивановым в его статье «О “Цыганах” Пушкина», а также в исследованиях Л.В. Пумпянского 1920-х гг.[13] Это говорит о том, что в литературно-философской критике теоретика русского символизма был намечен принцип объединения задач филологической герменевтики и философской, который ярче всего проявился в истолковании им произведений Пушкина.

Частотность цитирования Пушкина в творчестве Иванова уникальна, начиная от юношеского «Интеллектуального дневника» 1890-х гг. и заканчивая итоговой статьей «Мысли о поэзии» (1938–1940-е гг.). Цитаты и поэтические образы из стихотворений Пушкина и его романтических поэм многократно встречаются в текстах специальных статей Иванова, посвященных творчеству поэта, таких как «Поэт и Чернь» (1904 г.), «О “Цыганах” Пушкина» (1908 г.), «К проблеме звукообраза у Пушкина» (1925 г.), «Два маяка» (1937 г.) и др. Эти статьи написаны в свободной форме литературно-философских эссе, и некоторые поэтические образы Пушкина приобретают в них многозначный символический смысл, а также переосмысливаются и выполняют функции авторских топосов мысли.

В этом плане важны идеи современного пушкиноведения, основанные на понимании многозначной природы пушкинского слова, его многослойности и мифологизированности. Можно утверждать, как считает Н.А. Карпов, что, «обладая композиционной ясностью и стройностью, на смысловом уровне пушкинский текст строится как намеренно противоречивый, что отражает такие характерные черты поэтики Пушкина в целом, как стремление автора к семантической многоплановости, ориентированность художественного слова не на буквальные, понятийные, а сложно организованные образно-символические аспекты значений» [15, с. 13]. Динамика образов в поэтике Пушкина и установка поэта на их непрерывное развитие позволяют преодолеть стереотипность истолкования многих известных стихотворений[14]. Противоречивость пушкинского текста и семантическая многоплановость слова, как и преодоление стереотипности, были важны для Иванова как теоретика русского символизма, который показал это в своей литературно-философской критике, утверждая философский статус языка поэзии Пушкина, основанного на законах диалектического мышления. В статье «Мысли о поэзии», многократно цитируя поэта и используя пушкинское слово «вещий» как образ-понятие в устаревшем значении «мудрый», «провидческий», он писал о происхождении поэтического языка из мифоритуальных заклинательных формул[15]. Более того, как показала М.Н. Виролайнен, Пушкин в буквальном смысле является творцом мифа, «культурным героем нового времени», при этом

[13] См.: Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 227–228 [14].
[14] См.: Карпов Н.А. «Душа! Я пророк, ей богу пророк!» О поэте и пророке у Пушкина // Болдинские чтения 2025: материалы Междунар. науч. конф. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. С. 3–13 [16].
[15] См.: Иванов Вяч. Мысли о поэзии / текстологическая заметка и коммент. С.Д. Титаренко // Символ. № 53–54. Париж – Москва, 2008. С. 232 [17].

его роль вполне может быть осмыслена в духе культурологической схемы, предложенной В. Соловьевым и переосмысленной именно Вяч. Ивановым, который в статье «Из области современных настроений. I. Апокалиптики и общественность» (1905 г.)[16] указал на «соборное взаимодействие сфер священства, державства и пророчества, связанное с взаимодействием мира и хора, пророчественной общины, орхестры» [19, с. 342]. Она считает, что «несколько переинтерпретируя предложенное Ивановым понимание орхестры, можно увидеть в ней особую, четвертую, власть: народ» [19, с. 342]. Фактически теоретик русского символизма продолжает развивать пушкинские поэтические образы в контексте идей русского символизма и религиозной философии, основываясь на их понимании как основы «памяти культуры».

Его искания в области философии языка и концепция «памяти культуры» получили высокую оценку Э.Р. Курциуса. Сохранившаяся переписка Курциуса и Иванова, относящаяся к 1932–1949 гг., когда они посылали друг другу свои труды и обменивались суждениями, важна для исследуемой нами проблемы. В письме от 27 июля 1947 года Иванову немецкий ученый указывает, что он рад писать «другу и учителю», с которым он осознает «себя внутренне связанным общим предчувствием вечных реальностей…»[17]. «Вечные реальности», или топосы мысли, Курциус трактовал как «предписанные формулы», выделяя «историческую топику»[18]. Знаменитое исследование Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» было опубликовано в 1948 году, за год до кончины Иванова. Как пишет М. Вахтель, «в методологической части книги упоминается имя Иванова и его внеисторическая концепция памяти»[19]. Курциус, по его словам, восхищался мистической трактовкой проблемы «памяти культуры» у Иванова и находил в его работах, особенно в «Переписке из двух углов», «недостающее звено» для понимания идеи преемственности[20].

Такие понятия, как «топос», Курциус употребляет в значении, основанном на античной риторической традиции, а также на традиции поэтической, трактуемой им в аспекте исторической и генетической памяти. Топосы, как он считал, могут выступать и в функции иносказаний, особенно метафорическая образность[21]. Топосы составляют основу «генетической памяти» литературы, так как в их основе – универсальные схемы, представления, поэтому они близки, по мысли Курциуса, к архетипам[22], так как архетипы, как известно, лежат в основе

---

[16] См.: Иванов Вяч. Из области современных настроений. I. Апокалиптики и общественность // Весы. 1905. № 6. С. 35–39 [18].
[17] См.: Эрнст Роберт Курциус – Вячеслав Иванов. Переписка. С. 402.
[18] См.: Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1. С. 169–170, 172–173.
[19] См.: Вахтель М. Переписка Вячеслава Иванова с Э.Р. Курциусом // Текст и традиция: альманах, Т. 4. СПб.: Росток, 2016. С. 388 [20].
[20] Там же. С. 387.
[21] См.: Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1. С. 268–275.
[22] Там же. С. 230.

поэтического мышления. Показательно, что о «генетической памяти» в литературе Бочаров писал, что она определяется «*волей национальной топики*» «в виде повторяющихся в новых трансформациях loci communes при описании сходных ситуаций»[23], и большую роль здесь играет категория платоновского «*припоминания»,* то есть *anamnesis* (курсив наш. – *С. Бочарова*)[24], как восхождение к изначальной идее в ее архетипическом значении или в значении первообразов. В итоговой статье «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова» (1922 г.), Иванов рассматривал пушкинские слова в терминологии платонизма, как «вечные идеи», и называл Пушкина «бессознательным платоником», считая, что «его имена (и косвенно – его переименования, метонимии) суть живые энергии самих идей»[25]. Он также писал:

> «Ему оставалось только именовать вещи и их отношения – и с ними их вечные идеи. Вещи берет он “эйдетически”, как теперь говорят, – неизменно выявляя в них идею, как прообраз. Отсюда их естественное оживление: поэзия, по Пушкину, должна быть, прежде всего и в глубочайшем смысле, “жива”. Ибо, если принимать “идею” не как отвлеченное понятие, а как реальность Платонова умозрения, – вещи тем более живы, чем яснее напечатлевается на них животворящая и связующая их с живым целым идея» [21, с. 636].

Вера «в реальность слова» была принципиально важна для Иванова[26]. В записях лекций пушкинского семинария, которые читал теоретик символизма осенью 1919 года, нашла отражение его мысль о том, что «Пушкин для него поэт аполлинической ясности, “метко схватывающий сущности”»[27]. В статье «Поэт и Чернь» он писал об этом: «Что познание – воспоминание, как учит Платон, оправдывается на поэте, поскольку он, будучи органом народного самосознания, есть вместе с тем и тем самым – орган народного воспоминания» [23, с. 713]. Для Иванова всегда было актуальным также неоплатоническое понимание слова как творящей, «зиждущей» формы. В философско-эстетическом эссе *Forma formans u forma formata* (1947 г.), где нашли отражение многие его идеи как теоретика символизма 1908–1914 гг., он писал о неоплатонической традиции в трактовке «внутренней формы» как импульса к преобразованию[28]. Та же идея действенной творческой «внутренней формы», которая понималась им «как внутренний акт,

---

[23] См.: Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. С. 7–8.
[24] Там же. С. 12.
[25] См.: Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1987. С. 636 [21].
[26] С.С. Аверинцев писал о вере Вяч. Иванова в реальность слова как бытия платоновских идей, аристотелевской энтелехии или средневековых универсалий (см.: Аверинцев С.С. Разноречие и связность мысли Вячеслава Иванова. С. 12).
[27] См.: Лаппо-Данилевский К.Ю. К истории пушкинского семинария Вяч. Иванова 1919–1920 гг. (записи Н.И. Игнатовой) // Летняя школа по русской литературе. 2025. Т. 21, № 3–4. С. 269 [22].
[28] См. об этом: Петров В.В. Философско-эстетические взгляды Вяч. Иванова в эссе «Forma Formans и Forma Formata» // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 2. С. 228–251 [24].

идея, впервые возводящая в реальное бытие пассивный и ирреальный в своей бесформенности субстрат материи…», актуализирована им в статье «Мысли о поэзии»[29].

Пушкинское слово могло пониматься Ивановым и как «живая энергия» языка, так как, находясь в полемике с представителями русской формальной школы, он отстаивал идеи А.А. Потебни. Например, в статье «О новейших теоретических исканиях…» он утверждал, что «слово, делаясь все более механическим, перестает быть живою энергией, при изнеможении того средоточия обращающихся в нем сил, которое Потебня называл его внутреннею формой» [21, с. 633].

Проанализируем лишь некоторые, наиболее существенные примеры использования поэтических образов Пушкина в философской критике теоретика символизма в качестве топосов, рассмотрев способы их истолкования Ивановым на основе принципов его философской герменевтики, восходящей к теории идей Платона. Нас интересуют, прежде всего, пушкинские статьи Иванова «Поэт и Чернь», «О "Цыганах" Пушкина», «Два маяка», основанные на идеях переосмысления романтизма, так как в центре внимания Иванова находятся романтические произведения русского классика. Вместе с тем рассмотрим пушкинские поэтические образы и в контексте работ Иванова по теории русского символизма и философской эстетике («Копье Афины», «Заветы символизма», «Две стихии в современном символизме», «Мысли о поэзии» и др.), что делает их основой тезауруса и топосами мысли.

Статья Иванова «Поэт и Чернь» была опубликована в журнале «Весы» в 1904 году (№ 3). В ней анализируется стихотворение Пушкина «Чернь» (1828 г.), известное также под названием «Поэт и толпа». Иванов использует прописную букву в написании слов, что говорит о его понимании слова в платоновском смысле – как идеи[30]. Слово «чернь» выступает здесь и как пушкинский поэтический образ, и как топос, восходящий к романтической и античной традиции и наделенный многозначными символическими смыслами философских идей русского символизма.

Эта программная статья Иванова создавалась им в полемике с символистским манифестом В.Я. Брюсова «Ключи тайн» (Весы. 1904. № 1), где, как известно, отстаивалась идея интуитивного, сверхчувственного познания и абсолютной свободы творчества поэта. Иванов, полемизируя с Брюсовым, утверждал идею символизма как обращения к «тайникам народной – мифородной души» и всенародному искусству – от символа к мифу и мифотворчеству «вселенского воления», о чем он писал редактору журнала «Весы» в письме от 19 февраля 1904 года[31]. Понятие «большое всенародное искусство» встречается в ряде его статей, оно формируется, в том

[29] См.: Иванов Вяч. Мысли о поэзии. С. 250.

[30] Платон считал, что слово имеет «образ имени, подобающий каждой вещи» (Кратил 390a) (см.: Платон. Кратил // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 621 [25]).

[31] См.: Брюсов В.Я. Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923) / предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 447 [26].

числе, и на основе трансформации пушкинских образов поэта и черни, восходящих к античной риторике. Как историк Древнего Рима, Иванов не мог не знать смысловых оттенков латинского слова *vulgus* – «толпа» в значениях «народ», «граждане полиса», «низшие слои римского гражданства», «скопление рабов, ожидающих раздачи хлеба», «множество людей», «беспорядок» и мн. др.[32] В статье «Мысли о поэзии» он писал: «Юношеское рвение “защитить” поэзию показывает, как назойливо преследовал поэта вопрос пушкинской “Черни”, всё тот же: “какая польза нам от ней?”. Упрямый ропот толпы Пушкин ставит на счет ее “тупости”, безнадежной невосприимчивости к прекрасному». <…> Ведь «Еще Гораций, заговорив о богах (Од. III, I), принимает позу жреца, сурово отстраняющего “непосвященных” (profani)» [17, с. 239–241].

Соловьев в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899 г.) указал на то, что чернь в истолковании Пушкина – то, что «римляне обозначили: *profanum vulgus*»[33]. Это понятие, согласно его мысли, должно восприниматься в контексте целого ряда стихотворений Пушкина, сущность которых философ определил как «поэзия о поэзии». Он считал, что в развитии темы черни у Пушкина в последнем семилетии наметился перелом, и «взор его видит уже большой народ – потомство его поэзии», что составляет содержание его стихотворения «Памятник»[34].

В статье Иванова мы находим, кроме всех этих значений, восходящих к античной риторике и романтической поэзии, а также к трактовке Соловьева, и другие смыслы: поэт– жрец; непосвященная толпа – хор. Он показывает преодоление поэтом романтической традиции, основанной на идее индивидуализма, и пишет: «Пушкинский ямб впервые выразил всю трагику разрыва между художником нового времени и народом: явление новое и неслыханное, потому что в борьбу вступили рапсод и толпа, протагонист дифирамба и хор – элементы немыслимые в разделении» [23, с. 709]. Задача поэта, согласно размышлениям Иванова, через поиск «внутренней психеи» народа, «эоловой арфы» народной души прийти к хоровому слиянию с народом в едином голосе. Он писал, что «истинный символизм должен примирить Поэта и Чернь в большом, всенародном искусстве», так как «минует срок отъединения», и «большое искусство – искусство мифотворческое», так как «из символа вырастет искони существовавший в возможности миф, это образное раскрытие имманентной истины духовного самоутверждения народного и вселенского»[35]. Поэт должен искать свое «внутреннее» слово для действенного религиозного единения с народом. В связи

[32] См. об этом: Карпюк С.Г. Vulgus и Turba: толпа в классическом Риме // Вестник древней истории. 1997. № 4. С. 121–137 [27].
[33] Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 363 [28].
[34] Там же. С. 368–369.
[35] См.: Иванов Вяч. Поэт и Чернь // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1971. С. 714 [23].

с этим важна религиозная функция поэзии, которая обозначается Ивановым словами «умно́го делания». Комментаторы статьи «Поэт и Чернь» считают, что «умно́е делание» – это по преимуществу мысленная форма Иисусовой молитвы, так как «"умно́е" здесь в значении "мысленное", "безмолвное", а "деланием" именовались обретение внешнего и внутреннего спокойствия ради созерцания и стяжания "умной" и непрестанной молитвы» [29, с. 128].

Как теоретик символизма, наследуя принципы романтической эстетики, Иванов утверждает идею первоначальной необходимости раскола поэта и толпы ради будущего «слияния» их в большом «всенародном искусстве». Если Соловьев в статье о Пушкине отстаивает безусловное значение и независимость поэта, стремящегося к познанию идеи «народной», то Иванов видит идею единения поэта и черни во всенародном искусстве через взаимодействие «внутреннего слова» и «умно́го делания». Он пишет: «Созданное им внутреннее слово узнается народной душой, как нечто свое, – постигается темным инстинктом забытого родства» [23, с.714].

Об этом понимании пушкинского образа говорят и другие статьи Иванова. Например, в работе «Копье Афины», написанной в 1904 году, он утверждает, что «в статье "Поэт и Чернь" мы искали показать, что внутреннее слово, которое открывается в искусстве келейном в те переходные эпохи, когда "мысль изреченная" становится "ложью", – силою внутренней необходимости совпадает с символом всенародным и вселенским» [30, с. 731–732]. О роли поэта «быть религиозным устроителем жизни, истолкователем и крепителем божественной связи сущего, теургом» Иванов заявлял и в манифесте «Заветы символизма» (1910 г.)[36]. Это свидетельствует о том, что пушкинский топос «чернь», восходящий к античной риторике и поэтике романтизма, обогащается в аспекте исторической памяти литературы в статьях Иванова и его значение определяется философией русского символизма и задачей мифологизации творчества. Неслучайно А. Блок, анализируя ивановскую статью «Поэт и Чернь», в эссе «Творчество Вячеслава Иванова» (1905 г.) писал, что у теоретика символизма «так искупается отчуждение поэта от народной стихии …, где "поэт" и "чернь" вновь познают друг друга. "Поэт" становится народным, "чернь" – народом при свете всеобщего мифа» [32, с. 9].

Другой пример истолкования романтического пушкинского образа, такого как «гордый человек», репрезентирует статья Иванова «О "Цыганах" Пушкина», где им так же показан путь преодоления индивидуализма, как и в работе «Поэт и Чернь». Она создавалась в полемике с Ф.М. Достоевским, на которого Иванов ссылается, так как он не согласен с тем, что писатель-реалист понимает пушкинский образ «гордого человека» как социально-психологический и исторический тип русского скитальца. Он пишет:

> «Здесь Достоевский слишком узко понял Пушкина. Поистине, Пушкин добыл самобытное и русское решение «проклятого вопроса»; но это решение не имеет

[36] См.: Иванов Вяч. Заветы символизма // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1974. С. 595 [31].

> ничего общего с историческим укладом нашей народной жизни, ни, в частности, с «трудом на родной ниве», т. е. в эмпирических условиях нашего религиозного, нравственного и бытового уклада. Скиталец, именно в меру своей верности идее вселенской, – она же есть идея русская, – захочет остаться скитальцем, сознавать себя бездомным гостем чужих шатров и как бы человеком не от мира сего, равно у себя на родине или на чужбине, – она же в свете религиозной идеи – той, которая освобождает, – уже и не чужбина» [33, с. 317].

Близкое к этому значению понимание смысла романтического байронического комплекса «гордый человек» содержится в статье Соловьева «Судьба Пушкина», где говорится, что поэту как наследнику байронического комплекса идей свободной личности («Ты царь – живи один!»)[37] были присущи «*власть* самолюбия» и идея религиозного очищения нравственного сознания[38]. Это трагическое противоречие сознания человека, по мнению Соловьева, нашло воплощение в Пушкине и как акт «служения высшей красоте», и как явление «убийства из-за личной злобы» на дуэли[39].

Эту идею Иванов понимает как потенциальное воплощение мистической религиозной формулы «возрождение через смерть». Смысл этой формулы многозначен. Он отсылает не только к религиозным ритуалам древности, в частности к дионисийским мистериям, но и к античной трагедии. Неслучайно Курциус писал об Иванове: «Гуманизм Иванова – это не внешнее соответствие некоему историческому прообразу, но анамнесис – пробуждение изначального ведения о посвящениях и мистериях отцов. Поэтому в самых отдаленных и чуждых явлениях он способен узнавать новоявленную античность: в Достоевском – аттическую трагедию, в Гоголе – аристофанов хор» [4, с. 396–397]. Иванов считает, что пушкинская поэма напоминает ему «древние трагедии, скрытую хорическую структуру, сказавшуюся в противопоставлении уединенной воли и судьбы героя внутренне согласному и потому столь цельному и незыблемому нравственному миропониманию и верховному суду свободной общины»[40]. Важно отмеченное им преодоление романтического конфликта, говоря его словами, «преодоление Байрона и – мы сказали бы – торжество хора над утверждением уединенной воли»[41]. Он пишет: «Вопрос о “гордом человеке” и общественном идеале безвластия и безначалия поставлен русским поэтом прямее, чем поэтами Запада, и ответ на этот вопрос у него должен быть признан более определенным и более радикальным, нежели у тех» [33, с. 310].

---

[37] См.: Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 285 [34].
[38] Там же. С. 295.
[39] Там же. С. 297.
[40] См.: Иванов Вяч. О «Цыганах» Пушкина // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 300 [33].
[41] Там же. С. 303.

Опровергая сложившиеся в литературной критике трактовки образа гордого человека со времен В.Г. Белинского, Иванов полагает, что «гордый человек» представлен в пушкинской поэме неслучайно «как своевольник, мятежник, волк в стаде, уединенный и ожесточенный индивидуалист и иннормалист, беззаконник в принципе и по совести, абсолютист страстей»[42]. Подлинным переворотом в трактовке идеи «гордого человека», как считает Иванов, стала речь Достоевского о Пушкине. Но эта точка зрения, по его мнению, «определяется взглядом на религиозное призвание русского народа и потому является у Достоевского существенно иною, чем у его предшественников, уже разглядевших в Алеко заблудившийся тип отвлеченного и нецельного протеста», «тип русского "скитальца" – "отрицательный тип наш, человека беспокоящегося и непримиряющегося…» [33, с. 315–316]. Он пишет: «Пушкин принимает искания и притязания Алеко в их последнем, безусловном значении: личность своеначальна. Что же можно противопоставить этому демоническому самоопределению гордого человека, если не антитезу религиозную?» [33, с. 318].

Образ гордого человека Иванов анализирует в контексте европейской традиции, и прежде всего влияния на Пушкина творчества Байрона и Шатобриана, обогащая романтический образ героя-индивидуалиста идеями мировой культуры на основе религиозно-философских принципов русского символизма и понимания христианства как основы самосознания свободной личности. Одним из эквивалентов слова «гордый человек» становится у теоретика символизма христианское понятие «внутренний человек», то есть человек, потенциально способный к религиозному возрождению. «Какою же должна быть эта религиозная антитеза? – пишет он. – У Пушкина, напротив, естественно и самопроизвольно, как бы из уст самой матери-Земли, поднимается в обличение уединившейся и превознесшейся личности голос религиозной безусловности. На утверждение своеначалия поэт отвечает не отрицанием его ("смирись", как толкует Достоевский, как учит Шатобриан), – но уже провозглашением положительного религиозного синтеза: был горд и зол, будь ныне впервые и воистину – свободен"» [33, с. 318].

Курциус, как известно, определял топос и как схему «мысли и выражения», наделяя его универсальными, то есть межвременными и межкультурными характеристиками[43]. Обогащение поэтического образа Пушкина «межвременными и межкультурными характеристиками» – важнейшая особенность развития философии языка теоретика русского символизма.

Другая пушкинская статья Иванова «Два маяка» подтверждает развитие этой мысли. В ней он пишет о двух светочах в душе Пушкина, таких как «непостижимое виденье» и вера в «соседство Бога»[44]. У Пушкина «мимолетное виденье», и «гений чистой красоты» («К***. Я помню чудное мгновенье…», 1825 г.), и «виденье, непостижное уму» («Жил на свете рыцарь бедный…», 1837 г.), –

[42] См.: Иванов Вяч. О «Цыганах» Пушкина. С. 315.
[43] См.: Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1. С. 268–271.
[44] См.: Иванов Вяч. Два маяка // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 330 [35].

важнейшие поэтические образы-универсалии его поэтической системы. «Непостижимое виденье» в статье Иванова – это топос, возникший на основе контаминации и переосмысления пушкинских поэтических образов как результат развития идей теургической эстетики религиозно-философского символизма, панэстетизма и софиологии Соловьева и традиций русской и европейской поэзии. Он становится в контексте его эстетики метафизическим образом-понятием.

Анализируя стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье…» в статье «Судьба Пушкина», Соловьев писал о расхождении образа реальной женщины, вдохновившей поэта, и метафизического поэтического образа, считая, что «*в минуту творчества* Пушкин … действительно видел гения чистой красоты, действительно чувствовал возрождение в себе божества»[45]. Романтический образ «гения чистой красоты», как известно, восходит к стихотворению В.А. Жуковского «Лалла Рук» (1821 г.). Иванов рассматривает его в ряду образов «Моцарта и Сальери» Пушкина, произведений Гете, Данте, античной литературы, философии Ницше и творчества Достоевского.

Если обратиться к литературной предыстории пушкинского поэтического образа «гения чистой красоты», то можно убедиться в том, что это не просто отсылка к стихотворениям Жуковского, но и свидетельство связи пушкинского текста с «Гением-хранителем» А. Дельвига и общеевропейским контекстом художественно-философских направлений XVIII–XIX вв., причем именно пушкинское использование слова «гений» в этом контексте рассматривается как вершинное и не вписывается ни в одно из однозначных его истолкований[46]. Поэтому гениальность Пушкина заключается в его способности не просто к заимствованию, но к переосмыслению или преобразованию «чужого слова», что было важно для теургической эстетики русского символизма.

Образ «гения чистой красоты» Жуковского был, безусловно, в центре внимания Пушкина. Речь идет о его значении, укорененном в античном понятии «калокагатия» (др.-греч. καλοκαγαθία, от καλὸς καὶ ἀγαθός – «прекрасный и хороший», «красивый и добрый»). Со смыслом этого понятия исследователи связывают его трактовку у Жуковского, анализируя влияние эстетики сентиментализма и романтизма, а также философии масонства[47]. Образ трактуется у Жуковского как воплощение «духовного рыцарства», идеала «Вечной Женственности», христианского принципа «обновления “внутреннего человека”», масонского образа «внутренней Церкви» и поэтики «невыразимого». Как пишет А.С. Янушкевич, «невыразимое – это не столько непознаваемое, сколько таинственно скрытое, неизвестное до тех пор, пока не будет открыто, не отзовется на призывы души» [37, с. 195–196].

---

[45] См.: Соловьев В.С. Судьба Пушкина. С. 279.

[46] См.: Скоропадская А.А. «Гений чистой красоты»: литературная предыстория // Болдинские чтения 2024. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 4–5 [36].

[47] См.: Янушкевич А. С. Феномен калокагатии в русской словесной культуре 1790–1830-х гг. Ст. 1 // Вестник Томского гос. университета. Филология. 2015. № 3(35). С. 189–201 [37].

В размышлениях Иванова пушкинский топос «непостижимого виденья» осмысливается на основе идеи о рождении божественного в душе поэта, как и у Соловьева, Пушкина и Жуковского. У Курциуса подобные топосы понимались как соединение образов «невыразимости» и «превосходства»[48]. Вместе с тем в традициях платоновской герменевтики Иванов пишет о пушкинском образе «непостижимого виденья», который воплощает, по его мнению, трансцендентную идею красоты, так как «непостижны были существо, происхождение, смысл его: ведь дело шло не о художнической чувствительности к тому, что красиво, и не об отвлеченном понятии Прекрасного, занимающем философа»[49]. Этот образ трактуется Ивановым как импульс к преодолению Пушкиным присущего ему дуализма и противоречивости сознания: «Его веру отличает чистый дуализм, как его юношеское безверие было "чистым афеизмом"» [35, с. 342].

Иванов, безусловно, учитывает «генетическую память» пушкинского образа, углубляя его истолкование на основе не только указанных выше традиций платонизма:

> «Оно не воспроизводило в душе поэта и явления какой-либо встреченной им в жизни женщины, показавшейся ему воплощением его идеала. Напротив, даже изображая "красавицу", его всецело пленившую, предмет его пламенных вожделений, он невольно различает от ее вожделенной вещественности как бы другое, из нее лучащееся и не облекающее начало ("она покоится стыдливо в красе торжественной своей"), – начало "высшее мира и страстей", ту "святыню Красоты", перед которой даже любовник, поспешающий на условленное свидание, вдруг останавливается и "благоговеет богомольно". Так в гомеровском гимне к Деметре сказано о явлении богини: "ее обвевала Красота"» [35, с. 331].

В статье «Красота в природе» (1889 г.) Соловьев определил идею красоты «*как преображение материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала*» [38, с. 38]. Ссылаясь на Соловьева в статье «Две стихии в современном символизме» (1908 г.), Иванов пишет о теургической задаче искусства, которую он также понимал как «преображающее мир выявление сверхприродной реальности и высвобождение истинной красоты из-под грубых покровов вещества»[50]. В статье «Два маяка» он говорит о том, что теургический принцип не мог быть главным для Пушкина, но поэт был склонен «особенно в своих наиболее возвышенных и чистых проявлениях» «возделывать рай искусств», как и Соловьев[51]. Он пишет, указывая также на ученика Пушкина – Достоевского, что «пушкинскую тоску по святой жизни Достоевский, его постоянный ученик и в некотором смысле продолжатель, положил в основу своего истолкования русской религиозности»[52]. Так поясняет он свою мысль о вере Пушкина в «соседство Бога».

---

[48] См.: Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1. С. 268–275.
[49] См.: Иванов Вяч. Два маяка. С. 330–331.
[50] См.: Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1974. 557 с. [39].
[51] См.: Иванов Вяч. Два маяка. С. 334–335.
[52] Там же. С. 342.

Развитие пушкинских поэтических образов в литературно-философской критике Иванова, как мы считаем, определялось ведущим теургическим принципом религиозно-философского реалистического символизма, который он определил в статье «Две стихии в современном символизме» как *a realibus ad realiora* («от реального к высшим реальностям»)[53]. По его утверждению, высказанному в статье «Наш язык», язык Пушкина становится основанием «словесного древа» языка российского, как подвиг постижения «своего внутреннего опыта» в системе «“словесного древа”, питающего свои корни в Матери-Земле»[54]. Публикуя материалы пушкинского семинара 1919–1920-го гг., который вел Иванов, А.Б. Шишкин отмечает, что Иванов предлагал рассматривать тексты произведений Пушкина на основе многоуровневого герменевтического их истолкования: «от конкретного смысла к смыслу высшему»[55]. Это тяготение к многоуровневому значению слова отличает топику в аспекте ее трактовки в русле исторической поэтики. Определяя понятие «историческая топика», Курциус писал, что топосы представляют интерес с двух сторон: «Во-первых, с литературно-биологической: через них можно проследить становление новых топосов. Так расширяется наше генетическое знание об элементах литературных форм. Во-вторых, эти топосы суть признаки изменившегося состояния души» [4, с. 173].

Как показал анализ, поэтические образы Пушкина, созданные в русле романтизма, составляют основу тезауруса и могут выступать в качестве топосов в таких статьях Иванова, как «Поэт и Чернь», «О “Цыганах” Пушкина», «Два маяка». Это подтверждается также фактом их использования в его работах по теории и истории русского символизма и проблемам поэтического творчества («Заветы символизма», «Копье Афины», «Две стихии в современном символизме», «Мысли о поэзии»). Герменевтический принцип истолкования слова, отсылающий к традиции Платона, который использует Иванов, рассматривая сочинения Пушкина, позволяет понять, что в его литературно-философской критике поэтические образы русского классика используются в различных функциях – от интертекста как образа-цитаты или иносказания (сравнения, метафоры) до образа-символа и топоса, обогащенного не только в контексте поэтической традиции, но и в контексте религиозно-философской мысли и христианской религии. Преодоление романтического конфликта сознания и принципа индивидуализма, как мы стремились показать на примере анализа романтических топосов Пушкина «поэт и чернь» и «гордый человек», происходит у Иванова на основе религиозно-философских идей русского символизма и понимания христианства как основы самосознания свободной личности.

Анализ поэзии Пушкина, осуществленный Ивановым-мыслителем, показывает, что наиболее значимым для него в области литературно-философской

[53] См.: Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме. 557 с.
[54] См.: Иванов Вяч. Наш язык. С. 677.
[55] См.: Шишкин А.Б. Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 782 [40].

критики становится платоновский путь познания-анамнесиса – «припоминания» изначального образа-идеи как «первообраза» или «первосущности». На этом основан механизм интерпретации рассматриваемого Ивановым поэтического образа, обусловленный влиянием платоновско-соловьевского идеализма. Статьи Соловьева, посвященные Пушкину, такие, например, как «Судьба Пушкина», «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», оказались значимыми для Иванова не только как образец герменевтического истолкования, но и как путь к пониманию русской культуры на основе идей христианского универсализма, о чем говорится в его статье «Религиозное дело Владимира Соловьева». Теоретик русского символизма, высоко оценивая труды Соловьева, считал, что именно Соловьев наметил в русской мысли герменевтический путь постижения высшего смысла внутренней религиозной истины. Это диалектическое раскрытие «мистической истины» субъектом, сознание которого пребывает «в неразрывном круге» истолкования сущего[56], что, как нам кажется, ярко представлено в статье Иванова «Два маяка» на примере анализа топоса «непостижимого виденья». Этот топос мысли возникает как результат контаминации пушкинских поэтических образов и становится универсалией воплощения божественного присутствия или, говоря словами Иванова, воплощением веры в «соседство Бога». Здесь нашла отражение неоплатоническая традиция понимания «внутренней формы» слова как импульса к преобразованию, о чем, как нами уже указывалось, он писал в эссе Forma Formans и Forma Formata и статье «Мысли о поэзии». Поэтому пушкинские образы в литературно-философской критике Иванова становятся топосами мысли, в отличие от Соловьева, который использует их преимущественно в качестве цитаты для подтверждения своей философской идеи. Но, как и у Соловьева, у Иванова в его литературно-философской критике идеи теургической эстетики становятся основой интерпретации смысла поэтического произведения Пушкина. Как теоретик русского символизма, Иванов понимает язык поэтических образов Пушкина многогранно – и как источник символических образов и основу «генетической памяти» литературы, и как средоточие связи русской культуры с европейской, и как основание для дальнейшего преобразования топосов русской и европейской литературы на основе важнейших для его теургической эстетики религиозно-философских идей.

Список литературы

1. Иванов Вяч. Наш язык // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1987. С. 675–680.

2. Аверинцев С.С. Разноречия и связность мысли Вячеслава Иванова // Иванов Вяч. Лик и личины России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл. и примеч. С.С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. С. 7–24.

3. Титаренко С.Д. Владимир Соловьев и Вячеслав Иванов: принципы философской герменевтики и традиция диалогов Платона // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 6–21.

[56] См.: Иванов Вяч. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 303 [41].

4. Курциус Э.Р. Европейская литература и латинское Средневековье: в 2 т. Т. 1 / пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Изд. дом ЯСК, 2021. 560 с.

5. Эрнст Роберт Курциус – Вячеслав Иванов. Переписка / пер. с нем. Ал.В. Михайлова; публ. М. Вахтеля // Текст и традиция: альманах. Т. 4. СПб.: Росток, 2016. С. 386–407.

6. Махов А.Е. Веселовский – Курциус. Историческая поэтика – историческая риторика // Вопросы литературы. 2010. № 3. С. 182–202.

7. Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012. 342 с.

8. Теория литературы: в 2 т. Т. 1 / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд. центр «Академия», 2004. С. 147–151.

9. Аристотель. Поэтика. Риторика / вступ. ст. и коммент. С.Ю. Трохачева; пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой. СПб.: Азбука, 2000. 346 с.

10. Топосы мысли: Западная философия XIX–XX веков в переводах и комментариях / отв. ред.- сост. И.И. Блауберг, И.Д. Джохадзе. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2025. 416 с.

11. Титаренко С.Д. Топос как символическое пространство памяти в автобиографической прозе М.А. Волошина и мифопоэтическая традиция Платона // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, Вып. 2. С. 186–198.

12. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – I половина XX в. / сост., вступ. ст. Р. Гальцевой. М.: Книга, 1990. 527 с.

13. Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – I половина XX в. / сост., вступ. ст. Р. Гальцевой. М.: Книга, 1990. С. 422–451.

14. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры. М., 1999. 626 с.

15. Карпов Н.А. Еще раз о загадках пушкинского «Памятника» // Эпистола. Филологический журнал. 2023. Т. 3, Вып. 6. С. 13–22.

16. Карпов Н.А. «Душа! Я пророк, ей богу пророк!» О поэте и пророке у Пушкина // Болдинские чтения 2025: материалы Междунар. науч. конф. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. С. 3–13.

17. Иванов Вяч. Мысли о поэзии / текстолог. зам. и коммент. С.Д. Титаренко // Символ. № 53–54. Париж; М., 2008. С. 229–275.

18. Иванов Вяч. Из области современных настроений. I. Апокалиптики и общественность // Весы. 1905. № 6. С. 35–39.

19. Виролайнен М.Н. Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: сб. ст. / под ред. М.Н. Виролайнен. СПб.: Академический проект, 1995. С. 329–349.

20. Вахтель М. Переписка Вячеслава Иванова с Э.Р. Курциусом // Текст и традиция: альманах. Т. 4. СПб.: Росток, 2016. С. 386–388.

21. Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4 / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1987. С. 631–650.

22. Лаппо-Данилевский К.Ю. К истории пушкинского семинария Вяч. Иванова 1919–1920 гг. (записи Н.И. Игнатовой) // Летняя школа по русской литературе. 2025. Т. 21, № 3–4. С. 262–274.

23. Иванов Вяч. Поэт и Чернь // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1971. С. 709–714.

24. Петров В.В. Философско-эстетические взгляды Вяч. Иванова в эссе «Forma Formans и Forma Formata» // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 2. С. 228–251.

25. Платон. Кратил // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1 / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. С. 613–681.

26. Брюсов В.Я. Переписка с Вячеславом Ивановым (1903–1923) / предисл. и публ. С.С. Гречишкина, Н.В. Котрелева и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 428–542.

27. Карпюк С.Г. Vulgus и Turba: толпа в классическом Риме // Вестник древней истории. 1997. № 4. С. 121–137.

28. Соловьев В.С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 316–370.

29. Кумпан К.А. Комментарии к статье Вяч. Иванова «Поэт и Чернь» // Иванов Вяч.И. По звездам. Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. В 2 т. Т. 2. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. С. 116–133.

30. Иванов Вяч. Копье Афины // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1971. С. 721–733.

31. Иванов Вяч. Заветы символизма // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1974. С. 587–603.

32. Блок А.А. Творчество Вячеслава Иванова // Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 7. М.: Наука, 2003. С. 7–14.

33. Иванов Вяч. О «Цыганах» Пушкина // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 299–323.

34. Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 271–299.

35. Иванов Вяч. Два маяка // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1987. С. 330–342.

36. Скоропадская А.А. «Гений чистой красоты»: литературная предыстория // Болдинские чтения 2024 / ред. кол. А.В. Коровашко, В.Л. Коровин, С.Н. Пяткин; отв. ред. И.С. Юхнова. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 3–9.

37. Янушкевич А.С. Феномен калокагатии в русской словесной культуре 1790–1830-х гг. Ст. 1 // Вестник Томского гос. университета. Филология. 2015. № 3(35). С. 189–201.

38. Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / сост. и вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 30–72.

39. Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Crétien, 1974. С. 537–561.

40. Шишкин А. Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 780–807.

41. Иванов Вяч. Религиозное дело Владимира Соловьева // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 296–306.

References

(Sources)

Collected Works

1. Blok, A.A. Tvorchestvo Vyacheslava Ivanova [Vyacheslav Ivanov's Creativity], in Blok, A.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t., t. 7* [Complete Works and Letters in 20 vols., vol. 7]. Moscow: Nauka, 2003, pp. 7–14.

2. Ivanov, Vyach. Kop'e Afiny [The Spear of Athena], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t .1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Bryussel': Foyer Oriental Crétien, 1971, pp. 721–733.

3. Ivanov, Vyach. Poet i Chern' [The Poet and the Rabble], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Bryussel': Foyer Oriental Crétien, 1971, pp. 709–714.

4. Ivanov, Vyach. Dve stikhii v sovremennom simvolizme [Two Elements in Modern Symbolism], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vols., vol. 2]. Bryussel': Foyer Oriental Crétien, 1974, pp. 537–561.

5. Ivanov, Vyach. Zavety simvolizma [The Precepts of Symbolism], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vols., vol. 2]. Bryussel': Foyer Oriental Crétien, 1974, pp. 587–603.

6. Ivanov, Vyach. Religioznoe delo Vladimira Solov′eva [The Religious Cause of Vladimir Solovyov], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Bryussel′: Foyer Oriental Chretien, 1979, pp. 296–306.

7. Ivanov, Vyach. O «Tsyganakh» Pushkina [On Pushkin's "Gypsies"], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vols., vol. 4]. Bryussel': Foyer Oriental Chretien, 1987, pp. 299–323.

8. Ivanov, Vyach. Dva mayaka [Two Lighthouses], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vols., vol. 4]. Bryussel': Foyer Oriental Chretien, 1987, pp. 330–342.

9. Ivanov, Vyach. Nash yazyk [Our Language], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vols., vol. 4]. Bryussel': Foyer Oriental Crétien, 1987, pp. 675–680.

10. Ivanov, Vyach. O noveyshikh teoreticheskikh iskaniyakh v oblasti khudozhestvennogo slova [On the Latest Theoretical Research in the Field of the Artistic Word], in Ivanov, Vyach. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 4* [Collected Works in 4 vols., vol. 4]. Bryussel': Foyer Oriental Crétien, 1987, pp. 631–650.

11. Kurtsius, E.R. *Evropeyskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e. V 2 t., t. 1* [European Literature and the Latin Middle Ages. In 2 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK, 2021. 560 p.

12. Platon. Kratil [Kratil], in Platon. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [Collected Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 613–681.

Individual Works

13. Aristotel′. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2000. 346 p.

14. Blauberg, I.I., Dzhokhadze, I.D. (eds.). *Toposy mysli: Zapadnaya filosofiya XIX–XX vekov v perevodakh i kommentariyakh* [Topoi of Thought: Western Philosophy of the 19th–20th Centuries in Translations and Commentaries]. Moscow: Kanon+ ROOI “Reabilitatsiya”, 2025. 416 p.

15. Bryusov, V.Ya. Perepiska s Vyacheslavom Ivanovym (1903–1923) [Correspondence with Vyacheslav Ivanov (1903–1923)], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 85. Valeriy Bryusov* [Literary Heritage. Vol. 85. Valery Bryusov]. Moscow: Nauka, 1976, pp. 428–542.

16. Frank, S.L. O zadachakh poznaniya Pushkina [On the Tasks of Pushkin's Cognition], in *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike. Konets XIX – I polovina XX v.* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism. The End of the 19th Century and the First Half of the 20th Century]. Moscow: Kniga, 1990, pp. 422–451.

17. Gal′tseva R. (ed.). *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike. Konets XIX – I polovina XX v.* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism. The End of the 19th Century and the First Half of the 20th Century]. Moscow: Kniga, 1990. 527 p.

18. Ivanov, Vyach. Iz oblasti sovremennykh nastroeniy. I. Apokaliptiki i obshchestvennost' [From the Field of Modern Sentiments. I. Apocalyptics and the Public], in *Vesy*, 1905, no. 6, pp. 35–39.

19. Ivanov, Vyach. Mysli o poezii [Thoughts on Poetry], in *Simvol*. Parizh; Moscow, 2008, no. 53–54, pp. 229–275.

20. Solov'ev, V.S. Sud'ba Pushkina [The Fate of Pushkin], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 271–299.

21. Solov'ev, V.S. Krasota v prirode [Beauty in Nature], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 30–72.

22. Solov'ev, V.S. Znachenie poezii v stikhotvoreniyakh Pushkina [The Significance of Poetry in Pushkin's Poems], in Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991, pp. 316–370.

23. Vakhtel′, M. (ed). Ernst Robert Kurtsius – Vyacheslav Ivanov. Perepiska [Ernst Robert Curtius – Vyacheslav Ivanov. Correspondence], in *Tekst i traditsiya: al'manakh. T. 4* [Text and Tradition: Almanac. Vol. 4]. Saint-Petersburg: Rostok, 2016, pp. 386–407.

(Articles from Scientific Journals)

24. Karpov, N.A. Eshche raz o zagadkakh pushkinskogo «Pamyatnika» [Once Again on the Mysteries of Pushkin's “Monument”], in *Epistola. Filologicheskiy zhurnal*, 2023, vol. 3, issue 6, pp. 13–22.

25. Karpyuk, S.G. Vulgus i Turba: tolpa v klassicheskom Rime [Vulgus and Turba: The Crowd in Classical Rome], in *Vestnik drevney istorii*, 1997, no. 4, pp. 121–137.

26. Lappo-Danilevskiy, K.Yu. K istorii pushkinskogo seminariya Vyach. Ivanova 1919–1920 gg. (zapisi N.I. Ignatovoy) [On the History of Vyacheslav Ivanov's Pushkin Seminary. Ivanov 1919–1920 (notes by N. I. Ignatova)], in *Letnyaya shkola po russkoy literature*, 2025, vol. 21, no. 3–4, pp. 262–274.

27. Makhov, A.E. Veselovskiy – Kurtsius. Istoricheskaya poetika – istoricheskaya ritorika [Veselovsky – Kurtzius. Historical Poetics – Historical Rhetoric], in *Voprosy literatury*, 2010, no. 3, pp. 182–202.

28. Petrov, V.V. Filosofsko-esteticheskie vzglyady Vyach. Ivanova v esse «Forma Formans i Forma Formata» [Vyacheslav Ivanov's Philosophical and Aesthetic Views in the Essay "Forma Formans and Forma Formata"], in *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 228–251.

29. Titarenko, S.D. Topos kak simvolicheskoe prostranstvo pamyati v avtobiograficheskoy proze M.A. Voloshina i mifopoeticheskaya traditsiya Platona [Topos as a symbolic space of memory in the autobiographical prose of M.A. Voloshin and the mytho-poetic tradition of Plato], in *Vestnik SPbGU. Yazyk i literatura*, 2017, vol. 14, issue 2, pp. 186–198.

30. Titarenko, S.D. Vladimir Solov′ev i Vyacheslav Ivanov: printsipy filosofskoy germenevtiki i traditsiya dialogov Platona [Vladimir Solovyov and Vyacheslav Ivanov: Principles of Philosophical Hermeneutics and the Tradition of Plato's Dialogues], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 2(82), pp. 6–21.

31.Vakhtel', M. Perepiska Vyacheslava Ivanova s E.R. Kurtsiusom [Correspondence of Vyacheslav Ivanov with E.R. Kurtzius], in *Tekst i traditsiya. Al'manakh. T. 4* [Text and Tradition. Almanac. Vol. 4]. Saint-Petersburg: Rostok, 2016, pp. 386–388.

32. Yanushkevich, A.S. Fenomen kalokagatii v russkoy slovesnoy kul′ture 1790–1830-kh gg. Stat′ya 1 [The Phenomenon of Caloagathia in Russian Literary Culture of the 1790s–1830s. Article 1], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2015, no. 3(35), pp. 189–201.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

33. Averintsev, S.S. Raznorechie i svyaznost' mysli Vyacheslava Ivanova [The Dichotomy and Cohesion of Vyacheslav Ivanov's Thought], in Ivanov, Vyach. *Lik i lichiny Rossii. Estetika i literaturnaya teoriya* [Ivanov Vyach. The Face and Masks of Russia. Aesthetics and Literary Theory]. Moscow: Iskusstvo, 1995, pp. 7–24.

34. Karpov, N.A. «Dusha! Ya prorok, ey bogu prorok!» O poete i proroke u Pushkina ["Soul! I am a prophet, by God, a prophet!" On the Poet and the Prophet in Pushkin's Works], in *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Boldinskie chteniya 2025* [Proceedings of the International Scientific Conference Boldinskie Chteniya 2025]. Nizhniy Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2025, pp. 3–13.

35. Kumpan, K.A. Kommentarii k stat'e Vyach. Ivanova "Poet i Chern"' [Comments on Vyach. Ivanov's article "The Poet and the Common People"], in Ivanov, Vyach.I. *Po zvezdam. Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy. V 2 t., t. 2* [By the Stars. Philosophical, Aesthetic, and Critical Essays. Articles and Aphorisms. In 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Pushkinskiy Dom, 2018, pp. 116–133.

36. Shishkin, A. Materialy k teme «Vyach. Ivanov i pushkinovedenie» [Materials on the Topic "Vyach. Ivanov and Pushkin Studies"], in Ivanov, Vyach. *Issledovaniya i materialy. Vyp. 1* [Research and Materials. Issue 1]. Saint-Petersburg: Izdatel′stvo Pushkinskogo Doma, 2010, pp. 780–807.

37. Skoropadskaya, A.A. «Geniy chistoy krasoty»: literaturnaya predystoriya ["The Genius of Pure Beauty": Literary Prehistory], in *Boldinskie chteniya 2024* [Boldino Readings 2024]. Nizhniy Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2024, pp. 3–9.

38. Tamarchenko N.D. (red.) *Teoriya literatury: v 2 t., t. 1* [Theory of Literature: in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel′skiy tsentr «Akademiya», 2004, pp. 147–151.

39. Virolaynen, M.N. Kul'turnyy geroy novogo vremeni [The Cultural Hero of Modern Times], in *Sbornik statey «Legendy i mify o Pushkine»* [Collection of Articles "Legends and Myths about Pushkin"]. Saint-Petersburg: Akademicheskiy proekt, 1995, pp. 329–349.

(Monographs)

40. Bocharov, S.G. *Syuzhety russkoy literatury* [The Subjects of Russian Literature]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 626 p.

41. Bocharov, S.G. *Geneticheskaya pamyat' literatury* [Genetic Memory of Literatur]. Moscow: RGGU, 2012. 342 p.